

МУЗРАЕВА Деляш Николаевна

**Буддийские памятники на «тодо бичиг» («ясном письме»)
и тибетском языке как источники по истории письменности
ойратов и калмыков XVII–XX вв.**

Специальность 07.00.09 — историография, источниковедение
и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Диссертация выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Ванчикова Цымыжит Пурбуевна

Официальные оппоненты: **Крадин Николай Николаевич,**
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, ФГБУН Институт истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии
наук, директор

Цендина Анна Дамдиновна,
доктор филологических наук, ФГАОУ ВО
«НИУ "Высшая школа экономики"», Институт
классического Востока и античности, кафедра
истории и филологии Южной и Центральной Азии,
профессор

Курапов Андрей Алексеевич,
доктор исторических наук, ГБУК Астраханской
области «Астраханский государственный
объединенный историко-архитектурный музей-
заповедник», заместитель директора по науке и
экспозициям

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Амурский государственный
университет»

Защита состоится «18» декабря 2020 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д003.027.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6).

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6) или на сайте www.imbt.ru

Автореферат разослан «24» сентября 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Жамсуева Дарима Санжиевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Современное состояние изучения истории ойратов и калмыков – исторических потомков отдельных групп ойратов – настоятельно требует разработки источниковедческих вопросов с привлечением источников на восточных языках, отражающих историю традиционной письменности и историю буддизма на всех этапах его распространения среди указанных монгольских народов.

Актуальность темы исследования обусловлена в первую очередь необходимостью оценки роли и значения письменных памятников на «тодо бичиг» («ясном письме») в истории монголоязычных народов, а также роли буддийского письменного наследия в становлении и развитии их культуры.

В истории буддийской книжности, созданной ойратами и калмыками на протяжении длительного периода XVII–XX вв., в рамках которого происходило утверждение и распространение буддизма, велась проповедническая, переводческая работа, имело место взаимодействие с другими конфессиями, происходили политические события, в числе прочего включавшие борьбу с религией и ее носителями. До сих пор в истории этого процесса имеются белые пятна, многие тексты, представляющие собой ценные документальные и культурные источники, не введены в научный обиход. Актуальность работы заключается также и в том, что в диссертации впервые с наибольшей степенью полноты выявлен весь корпус источников на «тодо бичиг», хранящихся в рукописных собраниях востоковедческих центров России и зарубежья, и дано максимально полное обозрение типов буддийских письменных источников, распространенных у калмыков, вводятся в научный оборот и анализируются новые памятники и рукописи, получившие распространение у калмыков, устанавливается ценность буддийских письменных памятников на «тодо бичиг» и тибетском языке как важных источников по истории письменности, истории и культуре.

Эти памятники содержат материал исключительной важности о становлении, распространении и функционировании традиционных видов письма и книжности у ойратов и калмыков, дают сведения о жизни и деятельности буддийских ученых, участвовавших в создании ойратской государственности, а также о судьбе калмыцких гелюнгов (священнослужителей) и их сангхи в указанный период.

За последние 2 десятилетия взгляд на историю и культуру калмыков и их базисные ценности изменился и соответственно резко повысилась ценность и значимость каждого факта, вводимого в научный оборот. В связи с этим увеличивается значимость архивных и музейных документов, а равно и тех артефактов письменной культуры, которые находятся в частных архивах или в семейном хранении.

Объектом исследования являются письменные источники буддийского содержания на ойратском, монгольском и тибетском языках, хранящиеся в книгохранилищах и архивах российских академических центров (Калмыцкого научного центра РАН, Института восточных рукописей РАН), музейных фондах (Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, Кетченеровского районного муниципального краеведческого музея), библиотеках буддийских храмов (Бага-Чоносовского хурула и др.) и в частных коллекциях Калмыкии.

Предметом исследования является состав, содержание и история исследования буддийских письменных памятников на «тодо бичиг» и тибетском языке как источников по истории буддизма и письменной культуре калмыков, определение значимости отдельных памятников, их функционирование в системе, структуре буддийского вероучения в разных государственных образованиях (преимущественно в Калмыкии) в разные периоды истории, их роль в становлении ойратского литературного языка. В работе исследуется судьба как отдельных памятников, так и произведений в составе сборников, подборок, личных библиотек и коллекций, рассматриваемых как в целом, так и в отдельных аспектах (их состав и содержание, включенность в канонические своды, история появления и распространения в среде ойратов и калмыков, история их переводов, их сравнительно-сопоставительный анализ и т.д.).

Хронологические рамки исследования охватывают XVII–XX вв. В этот временной промежуток наблюдаются военная и политическая активность этнополитических объединений джунгаров, хошутов, торгутов и дэрбэтов, которая предопределила «возникновение, расцвет и гибель на территории Евразии трех государственных образований кочевников: Джунгарского ханства (1635–1758), Калмыцкого ханства (60-е гг. XVII в. – 1771 г.) и Хошутского ханства (конец 30-х гг. XVII в. – 1724 г.). Начало очерченного нами периода практически совпадает со временем так называемой «второй волны проникновения буддизма» в среду монголов и ойратов, которая в исторической литературе определяется концом XVI – началом XVII в., что отражено в работах Г. Ш. Доржиевой, В. П. Санчинова, Э. П. Бакаевой, Б. У. Китинова.

Период XVII–XVIII вв., получивший наибольшее освещение в трудах историков письменности монгольских народов, историографов, источниковедов, изучавших памятники на старомонгольском и ойратском языках, являлся периодом активного распространения буддизма среди монголов и ойратов, сыгравшего решающую роль в политической борьбе монгольских князей за власть и в международных отношениях между Тибетом, монгольскими княжествами и цинской династией. Именно в это время были осуществлены грандиозные по своей культурно-исторической значимости переводы с тибетского языка на монгольский язык канонических сводов Ганджур и Данджур. В этот период утверждались принципы перевода сакральных буддийских текстов, наметились тенденции, оказавшие значительное влияние на дальнейшее развитие буддийской книжной культуры монголов и ойратов.

Последний отрезок очерченного в настоящей диссертации периода продолжает оставаться малоисследованным. А между тем рубеж XIX–XX вв. знаменателен для истории калмыков просветительской, переводческой деятельностью калмыцких буддийских священнослужителей. Обращение к собраниям восточных книг, сохранявшихся, вопреки гонениям на религию, на протяжении всего XX в., позволяет говорить о том, что буддийская книжная традиция у калмыков не прерывалась.

Таким образом, обозначенные хронологические рамки обусловлены материалом, представленным письменными источниками и отображенными в них сакральными текстами и ритуальной практикой.

Территориальные рамки исследования включают, прежде всего, территорию Калмыкии, а также территории, с которыми на протяжении веков были связаны сами калмыки и их исторические предки – ойраты. Причиной этого были кочевой образ жизни и хозяйственно-культурный тип с доминированием скотоводства, а также периодические изменения климата Центральной Евразии.

Эти связи проявлялись, начиная с периода формирования трех государственных образований кочевников: Хошутского ханства в Кукуноре, Джунгарского ханства в Джунгарии и Западной Монголии, Калмыцкого ханства в Нижнем Поволжье. Значительную роль в консолидации большей части этих территорий и проживающих на них этнических объединений сыграл ойратский ученый и просветитель Зая-Пандита, который осуществлял проповедническую деятельность на территории проживания ойратов и калмыков. Созданное им письмо «тодо бичиг» получило распространение у ойратов и до сих пор используется (или до недавних пор использовалось) калмыками, ойратами Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики (СУАР КНР), ойратами Западной Монголии, представителями калмыцкой диаспоры США.

В России, как в прошлом, так и ныне, основными ареалами распространения буддизма являются Калмыкия, Бурятия, Тува. Тесные контакты калмыцких и бурятских священнослужителей способствовали тому, что большое количество изданий печатен бурятских дацанов получили широкое распространение в Поволжье, находили читательскую аудиторию среди калмыков, при этом рамки бытования буддийских книг расширялось в связи с расселением калмыков по территории Поволжья и Юга России.

Цель исследования состоит в том, чтобы определить значение и обосновать ценность буддийских письменных памятников на «тодо бичиг» («ясном письме») и тибетском языке как источников по истории ойратов и калмыков, а также по истории их традиционной письменности с применением методов и подходов современного востоковедения.

Достижение цели реализуется путем решения следующих **задач**:

– дать исторический экскурс в историю формирования традиционных письменных систем у монгольских народов;

- установить корпус, определить основную проблематику текстов на «тодо бичиг», получивших наибольшую популярность у ойратов и калмыков, выявить их специфику и общность с культурой народов, являющихся последователями буддизма;

- извлечь данные из исторических, историографических и др. источников, содержащих сведения о письменных памятниках у ойратов и калмыков;

- дать характеристику языка буддийских письменных памятников, имевших распространение у ойратов и калмыков (присутствие тибетского языкового компонента, диглоссия);

- сопоставить переводческую практику калмыцких, ойратских и монгольских просвещенных лам XVII–XX вв. с известными в теории перевода принципами передачи оригинала, описать основные принципы перевода; определить источники переводимых сочинений;

- дать оценку деятельности проповедников XVII в. (Зая-Пандита, Нейджи-тойн) в распространении и популяризации буддийского учения в среде ойратов и калмыков; охарактеризовать корпус переводов Зая-Пандиты и его дальнейшую судьбу;

- проследить распространение отдельных сочинений в исторической перспективе, их судьбу среди других образцов книжности монгольских народов;

- выявить и охарактеризовать состав и содержание коллекций буддийских письменных источников (рукописи и ксилографы на ойратском «ясном письме» и тибетском языке в библиотечных и музейных коллекциях, собраниях хурулов, личных библиотеках гелюнгов и верующих мирян), сохранившихся к началу XXI в. у калмыков; установить их роль и значение в истории письменной культуры калмыков;

- апробировать междисциплинарный подход к анализу письменных источников, усовершенствовать его методику с привлечением вспомогательных исторических дисциплин: археографии, палеографии, кодикологии и текстологии.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологической основой исследования стал междисциплинарный подход, основанный на комплексном применении методов исторического и источниковедческого исследования буддийских письменных источников на «тодо бичиг» и тибетском языках, с дополнительным привлечением методов вспомогательных исторических дисциплин (археографии, палеографии, кодикологии). Как и в случае с любым историческим объектом, методология исследования заключается в увязывании его характерных свойств (текст с буддийским содержанием и связанной с ним обрядовой практикой) с современными ему социокультурными обстоятельствами, начиная с практики создания самого письменного источника, его бытования в среде верующих и завершая передачей его на государственное хранение в архив или музей. Методы исследования нашего материала характерны для изучения письменных источников в границах вспомогатель-

ных исторических дисциплин: анализ бумаги, почерка, формата книги, языка написания и т.д. Кроме того, в изучении письменных источников использовался метод текстологического анализа, позволивший показать высокий уровень знания буддийской догматики и филологического знания переводчиков. Были также использованы сравнительно-исторический, типологический и описательный методы применительно к тексту как объекту исследования.

В методологии и методике исследования для диссертанта весьма значимым и актуальным явился комплексный подход к изучению истории письменности монгольских народов, истории ойратской и калмыцкой книжной культуры в ее соотношении с историей, этнографией, языкознанием, прикладным и изобразительным искусством и т.д.

В диссертации нами был реализован историко-функциональный подход к изучению памятников средневековой письменности, основанный на фундаментальных трудах по основам текстологии в историческом источниковедении.

Гипотеза исследования. Основной анализ показал, что наиболее ранними текстами, записанными на «тодо бичиг», были переводы буддийских канонических сочинений. Появление буддийских письменных источников в среде ойратов и калмыков начиналось с проникновения к ним определенного рода основополагающих текстов, в которых учение Будды было представлено во всей исчерпывающей полноте. Применительно к новым, возводимым в местах ойратских, калмыцких кочевий храмам это могли быть канонические своды, а в их отсутствии – сборники и подборки текстов. Учитывая, что в буддизме присутствие в таких храмах текстов Праджняпарамиты (*санскр.* praññāpāramitā, *тиб.* shes rab kyī pha rol tu phyin pa, *ойр.* biligiγin činadu kürüqsen ‘запредельная или трансцендентная мудрость’) могло служить залогом и подтверждением процветания буддизма в той или иной местности, можно предположить, что такими обязательными текстами являются сочинения праджняпарамитской литературы. Такие тексты, будучи семейными реликвиями, сохранялись на протяжении столетий, передаваясь из поколения в поколение, а в случае их утраты воспроизводились вновь по просьбе верующих мирян. Помимо указанных текстов, в жизни мирян и священнослужителей присутствовали ритуальные тексты, использовавшиеся в ежедневной литургической практике, а также в совершении обрядов жизненного цикла.

На защиту выносятся следующие **основные положения** исследования:

– История монгольской письменности играет значимую роль для истории «ясного письма» в целом, и в то же время письмо «тодо бичиг», оказавшись в орбите последней, является одним из заметных ее ответвлений и продолжений. Это делает очевидным необходимость внимательного рассмотрения истории письменных традиций у монгольских народов как предыстории и фактических предшественников «ясного письма».

– Письменные памятники играют первостепенную роль в длительном процессе распространения буддийского вероучения, научных знаний, филосо-

фии и этики из Индии на север, восток и северо-восток, длящемся более двух с половиной тысяч лет. Специфика большинства известных нам буддийских сочинений заключается в том, что они, сохраняя исходные жанровые формы, в течение длительного времени и при переходе из одной письменной традиции в другую, сохраняли ориентированность на читательскую массу.

– В течение длительного времени распространения буддийского вероучения из Индии в Тибет, Китай, Туркестан, средневековые государства Центральной Азии и далее к монголоязычным народам (монголы, буряты, ойраты, калмыки и др.) в силу культуuroобразующего характера буддизма как одной из мировых религий, культурная составляющая тех компонентов, которые приходили к новым этносам, увеличивалась в объеме и приобретала разнообразные иноэтнические компоненты, которые адаптировались буддийским вероучением.

– Ко времени распространения буддизма среди монголов практика переводов буддийских сочинений с языка тех носителей буддизма, которые восприняли его ранее своих соседей, имела устойчивый характер: монголы получали в свое распоряжение переводы с тибетского языка, ойраты, письменность которых была создана в процессе распространения буддизма среди них проповедником и переводчиком Зая-Пандитой, имели у себя сочинения на тибетском, монгольском и ойратском языках. Позднее конфессиональными языками ойратов и калмыков стали тибетский и ойратский, позже у волжских калмыков — тибетский и калмыцкий языки.

– Практика перевода религиозных и научных текстов с тибетского языка на монгольский и ойратский языки вызвала к жизни задачи нормирования переводов в рамках смысловой эквивалентности конфессиональных текстов, для чего были разработаны специальные руководства (словарь «Источник мудрецов»).

– Относительная изоляция калмыков от других монголоязычных народов, их удаленность от Тибета, вхождение в состав России и другие факторы оказали влияние на особые формы распространения и специфику их конфессиональной культуры. Однако анализ буддийских сочинений, имевшихся у калмыков, свидетельствует о том, что связи ойратов и калмыков с основными центрами распространения буддийского учения не прерывались. Контакты волжских калмыков с Монголией и Тибетом составляют особую страницу истории религиозных и культурных отношений между народами России и Центральной Азии.

– Распространение буддийской конфессиональной культуры и книжной словесности, сохранившее в XVIII–XIX вв. потенциал просвещенной экспансии и направленность на ознакомление иноконфессиональных соседей с основными положениями буддизма, определило специфику появления новых сочинений буддийского характера, составлявшихся на калмыцком языке с использованием новой графики и даже на русском языке.

– Сохранившиеся у калмыков священные тексты, как и другие культовые предметы, составляют неотъемлемую часть их истории, конфессиональной и этнической идентичности.

Источники исследования. Источниковой базой исследования послужили письменные памятники на «тодо бичиг» и тибетском языке, хранящиеся в Научном архиве КалмНЦ РАН, Национальном архиве РК, Национальном музее РК, в фондах краеведческих музеев, библиотеках буддийских храмов и частных коллекциях Калмыкии, а также тексты, исследовавшиеся и опубликованные монголоведами, ойратоведами и тибетологами.

Основная масса письменных памятников, получивших фиксацию на ойратском «ясном письме», представляется следующими тематическими группами: 1) намтары-биографии; 2) летописи, генеалогические записи, грамоты; 3) правовые источники; 4) надписи на знаменах; 5) письма и деловая переписка; 6) хождения или описания паломничеств; 7) буддийские письменные памятники на «тодо бичиг» и 8) буддийские источники на тибетском языке, из которых последние две являются основными для нашего исследования.

Важным дополнительным источником послужили полевые материалы, собранные диссертантом в ходе археографических экспедиций по Калмыкии (2006–2017 гг.) и комплексных экспедиций в Монголии (2013–2016 гг.).

Степень изученности темы. История научного рассмотрения проблематики настоящей диссертации в монголоведении неоднопланова и распадается на ряд самостоятельных проблем, среди которых конфессиональная история монгольских народов и в том числе ойратов и калмыков, история буддизма у монголов и в сопредельных регионах, история письменностей монгольских народов (История и историография вопроса подробно рассмотрены в 1-й главе, см. далее с. 13–16).

Обращение к источникам на монгольской письменности в исторической перспективе показывает, что до сих пор в них остается много неясных моментов, среди которых, на наш взгляд, можно выделить два: первый связан с ранней историей зарождения письма у монголов, второй – с характеристикой исторической судьбы их письменных систем в новейшее время, в особенности в советскую эпоху, после 1920-х гг. Как свидетельствуют примеры бытования «тодо бичиг» у волжских калмыков вплоть до последней трети XX в. (например, перевод Тугмюд-гавджи, 1960-е гг.), определение и уточнение таких хронологических рамок второго момента вполне обосновано.

Калмыки традиционно являются приверженцами буддизма, с которым первыми познакомились их исторические предки – ойраты (монгольские племена, проживавшие в Джунгарии, на территории, охватывавшей Западную Монголию и Северо-Западный Китай). В конце XVI – начале XVII в. часть ойратских племен, в результате внутренних междоусобиц, а также экспансии со стороны маньчжурских правителей Китая, откочевали в Западную Сибирь и, продвигаясь далее на запад, «со временем поселились в степях Северного

Прикаспия вблизи р. Волги в пределах Русского государства, положив тем самым начало формированию нового монголоязычного народа – калмыков», о чем писал В. П. Санчилов. Таким образом, XVII в. ознаменовался образованием трех ойратских государств: Калмыцкого ханства – ойратами, откочевавшими в Россию, Хошутского ханства – ойратами, откочевавшими в Кукунор, и Джунгарского ханства – ойратами, оставшимися на традиционных территориях кочевий, что отмечено в «Истории буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг.» (2011).

Обращение ойратов и калмыков в буддизм неразрывно связано с именами проповедников XVII в., происходивших из ойратской среды: Нейджи-тойна (*монг.* Nayiji toyin dalai manjusiri) и Зая-пандиты Намкай Джамцо (*тиб.* Za-ya pandita nam-mkha'i rgya-mtsho, *ойр.* Oqtoryuyin dalai). Биографии этих просветителей являются свидетельством того, как выстраивалась проповедническая деятельность лам высокого ранга, представляют собой важные источники для исследователей истории буддизма у монголов, ойратов и калмыков.

В историографической литературе наилучшим образом освещена проблематика истории буддизма и ламаизма у монголоязычных народов. Вышел в свет целый ряд энциклопедий, посвященных буддизму и его культурным компонентам, имеются монографии, посвященные добуддийским религиозным традициям и буддизму (Н. Л. Жуковская), истории буддизма в Бурятии (коллективные монографии «Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы», авторы – Г. Р. Галданова, К. М. Герасимова, Д. Б. Дашиев и др.; «Буддизм в истории и культуре бурят», отв. ред. И. Р. Гарри), Калмыкии (Г. Ш. Дорджиева, Э. П. Бакаева), Туве (М. В. Монгуш) и Монголии (Ц. П. Пурбуева (Ванчикова), Т. Д. Скрынникова, Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Н. Хишигт, Ц. Энхчимэг). Представляются хорошо изученными буддийский пантеон и вопросы иконографии буддизма (Э. Гетти, А. А. Терентьев, Л. Н. Гумилев, К. М. Герасимова, Ю. И. Елихина, С.-Х. Д. Сыртыпова, С. Г. Батырева, Д. В. Иванов и др.). В исследованиях по истории монгольской литературы раннего периода не отмечается противопоставления духовной и светской литературы (Б. Лауфер, Л. К. Герасимович), остро стоял вопрос об отграничении литературы от письменного наследия и письменности в целом (Н. Н. Поппе). Можно указать на то, что подобный симбиоз духовного и светского внутри видов словесного искусства является типической особенностью восточных культур, для которых не характерны дифференцированные истоки конфессиональной книжной культуры и светской литературы. Однако в исследованиях последних двух третей XX в. по монголоязычной литературе раннего периода прослеживается недооценка буддийской составляющей, причем как на уровне состава текстов, так и на уровне процесса развития письменной культуры авторов дошедших до нас произведений, когда каждый прежний текст составляет прецедент для следующего.

Летописи, исторические хроники, генеалогические сочинения калмыцких авторов являются важнейшими источниками, на которые опираются в своих трудах историки (И. Я. Златкин, Ч. Далай, К. Н. Максимов, М. М. Батмаев, В. П. Санчилов, А. В. Цюрюмов, На. Сухэбатор, В. Т. Тепкеев), этнографы и историки буддизма (У. Э. Эрдниев, Г. О. Авляев, А. Г. Митиров, Э. П. Бакаева, В. В. Батыров). По мнению Б. Я. Владимирцова, «... среди оригинальных произведений ойратской литературы на первом месте стоят исторические произведения» (Монгольская литература, 1920. С. 114). Ярким свидетельством того, что историографическая традиция была присуща и ойратам, откочевавшим из Джунгарии и принесшим ее на берега Волги, служит сборник «Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе» (1969 г.), составленный А. В. Бадмаевым, в который вошли «Сказание о дербен-ойратах» Батур-Убаши Тюменя, «Сказание об ойратах» Габан Шараба, «История калмыцких ханов» анонимного автора, «Биография Зая-Пандиты». Эти памятники из личного собрания нойона Церен-Джаб Тюменя были переведены Г. С. Лыткиным (1835–1907) и опубликованы в «Астраханских губернских ведомостях» 1860–1861 гг. Особую значимость для данного исследования имеют те сведения, которые проливают свет на историю распространения буддизма среди ойратов и калмыков. Так, Габан Шараб в своем «Сказании» отразил момент принятия духовного сана представителями ойратских владельцев. В сочинении Батур-Убаши Тюменя представлены «Хронологические исчисления важнейших событий для ойрата-буддиста», первой из датировок приводится дата перерождения Бурхан-Бакши (Будды Шакьямуни) и др. данные, что вызывало неослабный интерес со стороны монголоведов. Текст Б.-У. Тюменя был включен А. М. Позднеевым в сборник исторических памятников астраханских калмыков (1885), а фрагмент из него – в «Калмыцкую хрестоматию».

Ценным историческим источником об ойратах периода XV–XVIII вв., их этническом составе, времени сложения в их составе крупных этнополитических объединений является монгольская версия «Илэтхэл шастир», один из важнейших источников цинского периода, изученный и переведенный В. П. Санчиловым. Как отмечает автор книги, «события конца XVI – нач. XVII в. в Западной Монголии и Джунгарии послужили рубежом, отделяющим ойратскую историю от истории калмыков». Продолжением работы В. П. Санчилова по выявлению новых малоисследованных источников по истории ойратов стала книга «Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII вв.», включающая перевод и издание шести ойратских памятников, в свое время обнаруженных и опубликованных монголоведами Китая и Монголии. Среди них «История Хо Орлока», «История дурбэн-ойратов», «Родословная торгутских ханов и князей» и др., в которых отразились события XVII и XVIII вв.

Правовые источники «Ик цааджи» ('Великое уложение'), «Указы Галдан хунтайджи», «Духовные и светские законы», регулировавшие отношения в

калмыцком и ойратском обществе, одновременно являются важнейшим источником изучения их истории, этнографии и кочевого быта.

Изображения и надписи на боевых знаменах калмыцких полков, принимавших участие в Отечественной войне 1812 г. и других военных походах на стороне России, представляют интерес как источники, с одной стороны, древних верований, связанных с божеством-покровителем воинов, с другой – буддийских представлений. О последнем свидетельствуют изображения божеств пантеона, др. символов, а также тексты на «тодо бичиг» и тибетском языке в виде молитв и мантр.

Обширная переписка воеводских управлений с ойратскими вождами начала складываться уже в XVII в., о чем свидетельствуют публикации В. Л. Котвича. Образцы писем на «ясном письме» хранятся во многих мировых собраниях, значительное их количество опубликовано Д. А. Сусеевой, Н. О. Кокшаевой, Д. Б. Гедеевой и др.

Интереснейшим источником изучения истории калмыков XIX в., их взаимоотношений с миссионерами протестантской общины в Сарепте, истории России в целом является переписка И. Я. Шмидта (1779–1847) с представителями калмыцкого народа. Эти письма на «тодо бичиг», датированные 1802–1810 гг., опубликованные Дж. Крюгером в 2002 г., свидетельствуют о том, что И. Я. Шмидт именно в калмыцких степях впервые познакомился с письменными памятниками *Ülgeriyin dalai, Geserīn tuuji*. Они демонстрируют проникновение в кочевой быт новых товарно-денежных отношений, торговли, почтовых услуг, медицинской службы, новых конфессиональных контактов, а упоминаемые в них имена и события свидетельствуют об одном их сложных периодов в истории калмыков.

В публикациях последних двух–трех десятилетий (материалы конференции, посвященной 405-летию со дня рождения Зая-Пандиты Намкай Дзамцо; сборник памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи); История буддизма. Указ. соч.) получила характеристику история буддийского духовенства в России и, в частности, в Калмыкии. Работы Г. Ш. Дорджиевой, А. Н. Басхаева ценны для нашей темы тем, что освещают историю отдельных центров и монастырей, открывают нам картину становления и развития буддийского образования в Калмыкии, содержат имена калмыцких гелюнгов XIX – первой трети XX в., чье служение связано с переписыванием, собиранием и хранением буддийских книг до второй половины 1930-х гг. и чьим наследием оказываются книги из современных собраний РК. Описания путешествий, паломничеств в Тибет, составленные Бааза-бакши (Б. Менкеджеевым), П.-О. Джунгруевым, Д. Ульяновым, внесли значительный вклад в изучение Тибета, содержат сведения большой значимости для последующих экспедиций.

Важный компонент историографии для нашей работы – это история описаний коллекций буддийских рукописей и ксилографов в Калмыкии, начало которому было положено В. О. Чуматовым, продолжено работами К. В. Орловой, Д. Н. Музраевой, но до настоящего времени полностью не завершено.

В истории изучаемых проблем особое значение имеют научные издания буддийских письменных источников на монгольском и ойратском языках («Биография Зая-Пандиты», «Биография Нейджи-тойна», «История о Молон-Тойне», «Ойратский словарь поэтических выражений», «Море притч», «История Белой Тары» и др.), перевод и публикация тибетских памятников (Ю. Н. Рерих, Б. Д. Дандарон, Б. В. Семичев, Ю. М. Парфионович, Б. И. Кузнецов, Р. Е. Пубаев, Л. С. Савицкий, Н. Д. Болсохоева, Д. Б. Дашиев, Р. Н. Крапивина, И. С. Урбанаева, Ю. Ж. Жабон, А. А. Базаров, Н. В. Цыремпиллов и др.), а также опыты осмысления процессов развития книжной литературы ойратов на значительной временной перспективе (А. В. Бадмаев, Л. Хурэлбатор, А. Г. Сазыкин, Ш. Норбо, Н. С. Яхонтова, В. П. Санчилов, Б. А. Бичеев, Д. Н. Музраева и др.).

Вместе с тем в этих областях остается еще множество нерешенных проблем. История письменности монгольских народов отображена в ряде монографических исследований (Д. Кара, Г. Д. Санжеев, Д. Тумуртоого, Ц. Шагдарсурэн, Л. Чулунбатор и др.), сведения о монгольских письменных системах ранних периодов, рассыпанные по фундаментальным трудам, посвященным истории письма (А. Шницер, Д. Дирингер, Ч. Лоукотка, И. Фридрих и др.), пока не стали предметом широкого изучения. Среди пособий по «тодо бичиг» в Калмыкии классикой остаются труды Д. А. Павлова, А. В. Бадмаева, в то время как история обучения грамоте на «тодо бичиг», охватывающая как профессиональную, так и светскую культуру калмыков XIX – нач. XX в. остается малоизученной и не имеет системного преподнесения современным жителям республики как компонент их культуры и истории.

Практически неразработанными остаются проблемы палеографии «тодо бичиг», не освещены вопросы стилей и групп почерков письма на «тодо бичиг», вне освещения до недавнего времени оставались проблемы кодикологии (оформления) буддийских (и не только буддийских) книг, нет специальных работ по изучению материалов для письма. Слабо разработаны и вопросы текстологии памятников монгольской и ойратской письменности. Немногочисленны и исследования по технике и опытам практики перевода буддийских текстов на монгольский, ойратский и калмыцкий языки, малоизвестны и до настоящего времени не были подвергнуты научному изучению буддийские сочинения гелюнгов на русском языке, оказавшиеся как бы вне профессионального и историко-культурного контекста своей эпохи.

Научная новизна исследования заключается:

– в опыте обобщения истории письменных традиций у монгольских народов как предыстории и фактических предшественников «тодо бичиг»; исследование позволяет вписать факты письменности монголызычных народов в общий контекст формирования и развития письменностей народов Центральной Азии на уровне современных знаний в области истории и теории письма;

– в комплексном изучении буддийских письменных памятников на ойратском, тибетском, монгольском и калмыцком языках, имевших хождение в среде ойратов и калмыков на протяжении ряда веков, начиная с XVII в.; в результате исследования выявлен корпус источников на «тодо» бичиг, круг авторов и переводчиков памятников буддийской книжности на ойратский язык, определена степень распространенности отдельных текстов и их роль в повседневном быте и культуре ойратов и калмыков, дана характеристика практики перевода и особенностей переводных текстов, показаны механизмы приспособления религиозных текстов к меняющимся политическим и культурным условиям (запреты религиозной деятельности, эмиграция);

– в определении круга текстов, известных ойратам и калмыкам с самого раннего времени и пользовавшихся наибольшей популярностью; установлено, что особой популярностью пользовались тексты «Дорджи джодва» («Алмазная сутра»), «Хар келе утулган» («Отрезание черного языка»), на основе которого образовался устный текст-заклинание, и тексты, посвященные культу Будды долголетия Амитаюсу, выполняющие защитные функции;

– в опыте описания переводных памятников в монгольской и ойратской книжности XVII–XVIII вв.; удалось представить и охарактеризовать практику переводов с тибетского языка на ойратский язык, обеспеченную специальными словарями («Источник мудрецов») и составить представление об уровне знания тибетского языка просвещенными ламами вплоть до XX в.;

– в выявлении особенностей практики переводов образцов буддийской религиозной литературы с тибетского языка на монгольский и ойратский языки в соответствии с основными известными принципами перевода; установлено, какими именно принципами перевода пользовались переводчики (буквальным, дословным, смысловым и т.д.);

– характеристике ранее не исследованных ойратских и калмыцких религиозных сочинений рубежа XIX–XX вв.; установлено, что традиция таких сочинений распространяется на XX век, вписывается в профессиональный диалог в России до 1917 г. и показывает сохранение религиозных ценностей у калмыков в эмиграции;

– анализе одного из последних переводов буддийского памятника на ойратский язык – «Моря притч» (*ойр.* Oülgurun dalai), выполненного калмыцким гелюнгом Тугмюд-гавджи в конце 1960-х гг., что свидетельствует о сохранении традиции переводов с тибетского языка на «тодо бичиг» (ойратский язык) у волжских калмыков вплоть до последней трети XX в.

Новым для науки о буддийских письменных памятниках ойратов и калмыков является специальное внимание к историографии проблем изучения этих ценных материалов по ойратской религиозной литературе и источниковедческим аспектам их изучения в их единстве, а также решение ряда проблем вспомогательных исторических дисциплин – проблем археографии, палеографии, кодикологии, текстологии буддийских памятников, а также составление

их каталогов и библиографий, что представлено в диссертации и публикациях автора, связанных с ее тематикой. В работе впервые дается характеристика бумаги, использовавшейся калмыцкими гелюнгами при создании документов, описывается и систематизируется форма книг (традиционная форма потхи, блок-книжки и т.д.), прослеживаются условия и история формирования частных рукописных собраний.

Теоретическая значимость данной работы определяется в первую очередь необходимостью исследования истории функционирования традиционных письменных систем у монгольских народов с привлечением новых данных письменных источников в контексте теории и истории письма, представления процесса становления и развития книжной культуры у монголов как целостного явления на протяжении всей известной нам истории культуры монголов (XIII – нач. XX в.), связанного с политическими и культурными факторами на новом этапе его изучения, свободном от идеологических рамок и ознаменовавшего собой единение усилий отечественных и зарубежных ученых-монголоведов, специализирующихся в области истории письменности и литературы монголоязычных народов.

Настоящая диссертация представляет теоретико-методологические основы исследования ойрат-калмыцкого письменного наследия XVII–XX вв., так как письменные памятники, составляющие ранний этап калмыцкой книжной культуры, изучены далеко не полностью.

Практическая ценность диссертации заключена в том, что ее материал может использоваться в лекционных курсах по истории буддизма в России и буддизма у ойратов и калмыков, истории письма у монгольских народов. Материалы диссертации, могут быть востребованы в областях гуманитарной науки, связанных с конфессиональной и культурной историей ойратов и калмыков, также могут быть использованы в написании курса источниковедения и историографии, археографии и палеографии калмыцких сочинений конфессиональной литературы на «ясном письме» XX в.

Данная работа делает возможным в дальнейшем продолжить исследования сравнительно-типологического характера, направленные на решение проблемы адаптации индо-тибетской культуры в монголоязычной среде.

Степень достоверности результатов, полученных в исследовании, определяется количеством проработанных теоретических источников по истории письма и проблемам исследования буддийских письменных источников, связанных с проблематикой диссертационной работы, количеством и объемом описанного материала в ходе камеральной работы в фондах КалмНЦ РАН (более 2 тыс. ед. хр.), Национального музея РК (более 100 ед. хр.), ИВР РАН, в том числе выявленного и описанного в ходе экспедиционных выездов в районы Калмыкии (ок. 500 ед.) и Западной Монголии материала, а также установлением круга текстов из состава переводов Зая-Пандиты и их тибетских первоисточников, что нашло отражение в двух таблицах (в подразделе 3.2 и в Приложении 2).

Обоснованность и достоверность результатов и выводов диссертационного исследования обусловлены также системным использованием методов исторического исследования и вспомогательных исторических дисциплин, разнообразием использованного материала из федеральных и региональных коллекций, соответствием использованных методов современным тенденциям в источниковедении, участием диссертанта в дискуссиях на конгрессах и конференциях.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации были изложены в виде докладов на IX и XI Международных конгрессах монголоведов (Улан-Батор, 2006, 2016), на семинарах Международной ассоциации тибетологических исследований (VI – Фагернес, Норвегия, 1992; VIII – Блумингтон, Индиана, США, 1998; XIII – Улан-Батор, 2013), на Международном конгрессе азиатских и североафриканских исследований (ICANAS – Москва, 2004), на XXIX и XXX Международных конгрессах по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (Санкт-Петербург, 2017, 2019), на Международном семинаре «Возрождение буддизма в Монголии после 1990 г.» (Варшава, 1999), Международной конференции «Священный мир Центральной Азии» (Варшава, 2008), Международной научной конференции «Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая» (Элиста, 2008), Международной научной конференции, посв. 370-летию государственного и религиозного деятеля XVII в. Галдан-бошогту-хана (Ховд, Монголия, 2014), VI Доржиевских чтениях (Улан-Удэ – Нарын-Ацагат, 2014), Международной научной конференции «Тибет глазами российских путешественников», посв. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (Элиста, 2014), Международной научной конференции «Ойратская письменность и историко-культурное наследие монголоязычных народов: вчера, сегодня, завтра», посв. 360-летию распространения «тодо бичиг» в России и визиту Зая-пандиты Намкай Джамцо к волжским калмыкам» (Элиста, 2015), Международных научных конференциях «Б. Я. Владимирцов – выдающийся монголовед XX в.» и «З. К. Касьяненко – Учитель и монголовед» (Санкт-Петербург, 2014, 2015), Международном научно-практическом семинаре «Буддизм и социум» (Улан-Удэ, 2016) и др.

Материалы диссертации используются диссертантом при чтении спецкурсов «Письменные системы монгольских народов», «Язык письменных памятников» в аспирантуре КалмНЦ РАН, в преподавании дисциплины «Тибетский язык» магистерской программы «Философия и культура буддизма» в КалмГУ.

Основные положения и результаты диссертации отражены в 5 индивидуальных и 3-х коллективных монографиях автора, в более 100 опубликованных работах, включая 26 – в журналах ВАК, 18 – в журналах SCOPUS, 3 – в журналах WoS.

Работа выполнена в рамках гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогене-

тики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»), обсуждена на заседании Лаборатории междисциплинарных исследований востоковедного профиля и Отдела истории, этнологии и археологии ФГБУН «Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (17.12.2019). Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании Центра восточных рукописей и киногографов ФГБУН Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (30.07.2020).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы, а также 2-х приложений. Список использованной литературы включает 40 наименований источников и сборников текстов на «тодо бичиг», тибетском и монгольском языках и более 500 наименований статей и монографий на русском, английском, немецком, французском, монгольском, ойратском и чешском языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** к диссертации обосновывается актуальность и степень новизны избранной темы, указываются ее объект и предмет, хронологические и территориальные рамки, описываются источники и история вопроса, формулируются цели и задачи, излагается методологическая, теоретическая значимость и практическая ценность работы.

1-я глава «Источники и историография письменных памятников на „тодо бичиг“» посвящена истории формирования самостоятельных письменных традиций у монгольских народов (раздел 1.1.). Как хорошо известно, Зая-Пандита создал письменность «тодо бичиг» для ойратов, калмыков и всех монгольских народов в XVII в. на основе монгольского письма с учетом письменностей соседних народов. Этот факт делает очевидным необходимость внимательного рассмотрения истории письменных традиций у монгольских народов как предыстории и фактических предшественников «тодо бичиг», что нашло отражение в трудах историков письма (Я. Б. Шницер, В. А. Истрин, Д. Дирингер, И. Фридрих, И. Е. Гельб, Н. А. Павленко, Ж. Жан и др.), исследователей монгольского письма (А. М. Позднеев, Б. Я. Владимирцов, Г. Й. Рамстедт, П. Пельо, А. Мостэр, Н. Н. Поппе, Б. Лауфер, В. Хайссиг, Л. Лигети, Ц. Дамдинсурэн, Б. Ринчен, Ф. В. Кливз, Д. Синор, А. Рона-Таш, Д. Кара, А. Лувсандэндэв, Х. Лувсанбаладан, Д. Тумуртог, Ц. Шагдарсурэн, М. Н. Орловская, А. Г. Сазыкин Л. Чулунбатор и др.). Обращение к материалу монгольских языков показывает, что до сих пор остается много неясных моментов, связанных с ранней историей зарождения письма у монголов, исторической судьбой их письменных систем в новейшее время, в особенности в советскую эпоху, после 1920-х гг. К этим трудностям можно добавить такие, которые сопряжены с количественной недостаточностью сохранившихся древних об-

разцов письма, с появлением новооткрытых образцов письма, сложностью их дешифровки, перевода и интерпретации, а значит и датировки, установления их принадлежности той или иной системе письма, определения их исторической значимости, подтверждение устоявшихся фактов, или их опровержение в свете открывшихся сведений.

Что касается рукописных текстов, находящихся на периферии множества рукописных памятников на тибетском и ойратском языках, хранящихся в ИВР РАН и других библиотеках и собраниях восточных книг России и зарубежья, то их ценность по мере накопления материала переосмысливается и их значимость как источников информации возрастает. Эти материалы расширяют наши представления о судьбах копий и изданий образцов буддийской книжности, открывают перспективы для изучения истории распространения традиций и школ тибетского буддизма среди монгольских народов. Они также увеличивают объем наших знаний об истории знакомства российских и европейских ученых с образцами тибетского письма во временной перспективе.

В разделе 1.2. *«Из истории расселения монголов и ойратов в XIII–XVII вв. и формирования этнических общностей»* излагаются сведения об ойратах как особого территориального подразделения монголов, известных по историческим источникам, среди которых историки называют «Сокровенное сказание монголов» (или «Тайная история монголов») (первая треть XIII в.), труд персидского историка Рашид ад-Дина (1247–1318) «Сборник летописей». Главная проблема в освещении ранней истории ойратов в XII–XVI вв. — это отсутствие и фрагментарность источников или поздний характер обобщающих трактатов по их истории, таких, как «Сказание об ойратах», «Сказание о дэрбэн-ойратах» написанных в XVIII–XIX вв., что отмечал И. Я. Златкин в «Истории Джунгарского ханства. 1635–1758» (1983).

Суммируя сведения о ранней истории ойратов в изложении историков, придется сказать, что исторические источники сообщают мало сведений о культуре ойратов раннего периода, а позиции отдельных историков отличаются субъективностью и наличием многочисленных домыслов. Ценные сведения об истории ойратов представлены в «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней» (2009), в работах В. П. Санчинова, В. Т. Тепкеева, А. Г. Митирова, Р. Н. Безертинова, работах монгольских историков Ч. Далая, На. Сухэбатора и др.

Раздел 1.3. *«Источники по истории функционирования письменности у монголов в средние века»* содержит указание на «Сокровенное сказание» как один из первых письменных памятников на монгольском языке, в котором впервые упоминается о монгольской письменности (1206 г.) (Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). С. 17.). Ученые указывают на отсутствие сохранившихся письменных памятников монголов «темного периода», приходящегося на время правления династий Юань (1279–1368) и Мин (1368–1644).

В важнейшем вопросе периодизации истории монгольских письменных памятников большинство исследователей придерживаются предложенной Б. Я. Владимирцовым историко-хронологической периодизации, согласно которой выделяются 1) эпический период (XII–XIV вв.), 2) «темный» период (или период после падения монгольской династии в Китае до конца XVI в. либо время правления династии Мин) и 3) буддийский период.

В разделе 1.4. «*Письменные источники на „тодо бичиг“ и тибетском языке*» перечисляются письменные памятники, которые являются источниковой базой для данного исследования, дается их классификация и характеристика каждого из представленных разновидностей текстов (намтары-биографии; летописи и генеалогические записи; правовые источники; надписи на знаменах; письма, деловая переписка, грамоты; хождения, описания путешествий; буддийские письменные памятники на «тодо бичиг» и письменные источники на тибетском языке), при этом последние две являются основными для нашего исследования.

В разделе 1.5. «*Историография письменных памятников на „тодо бичиг“ и тибетском языке*» проводится историографический анализ литературы по теме диссертации. История изучения этих памятников охватывает период более чем в 200 лет. Оценка исторической значимости переводов Зая-Пандиты, другие аспекты их изучения получили освещение в трудах классиков отечественного монголоведения (К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев, А. В. Попов и др.), она нашла продолжение в работах более поздних авторов (Х. Лувсанбалдан, Ц. Дамдинсурэн, Г. И. Михайлов, В. Хайссиг, С. Халковик (Халкович), Л. Хурэлбатор и др.). Академик Ц. Дамдинсурэн приводит краткие монгольские и тибетские титулы сочинений из перечня Раднабхадры в антологии «Сто образцов монгольской литературы» (1959). Следует особо сказать о работе Х. Лувсанбалдана «Ясное письмо и его памятники» (1975), которая до сих пор продолжает оставаться классическим источниковедческим трудом, представившим во всей полноте наследие ойратского просветителя. Новым в исследовании биографии Зая-Пандиты, предпринятом китайским ученым Ш. Норбо, стало привлечение китайских источников, что позволило прояснить многие географические названия, уточнить имена исторических лиц. Китайские источники при изучении ойратов использовал в своих работах А. И. Чернышев (1990).

Обращение ойратов Джунгарии и калмыков Поволжья в буддизм связано также с именем известного проповедника, просветителя и политического деятеля XVII в., Нейджи-тойна (1557–1653), происходящего из ойратской среды, которого можно назвать старшим современником Зая-Пандиты. Биографии Нейджи-тойна и Зая-Пандиты являются ценными источниками истории проповеднической, просветительской деятельности двух лам высокого ранга.

История изучения письменного наследия ойратов тесно связано с именами классиков отечественной монголистики и тибетологии (И. Я. Шмидт,

К. Ф. Голстунский, О. М. Ковалевский, А. В. Попов, А. М. Позднеев и др.). Период конца XIX – начала XX в. ознаменовался всплеском в переводческой, проповеднической деятельности калмыцких буддийских монахов (Д. Сетенов, Д. Ульянов), которые осуществляли переводы тибетских сочинений на ойратский язык при содействии А. М. Позднеева. Помимо переводов, калмыцкие священнослужители создавали оригинальные сочинения на русском языке (М. Борманжинов, Д. Ульянов).

В историографическом обзоре литературы по проблеме нельзя не отметить непреходящее значение книги Б. Лауфера «Очерк монгольской литературы» (1927), содержащей сведения о письменных памятниках. Свою оценку наследию Зая-Пандиты дали Г. И. Михайлов, В. Хайссиг, Н. Н. Поппе, Л. К. Герасимович, А. Г. Сазыкин. Монголоведами рассматривались вопросы периодизации переводческой деятельности Зая-Пандиты (Ц. Дамдинсурэн, А. Г. Сазыкин), его переводческая техника (Д. Цэрэнсодном, Л. Хурэлбатор), принципы перевода с тибетского языка на монгольский и ойратский языки (Н. С. Яхонтова, А. Д. Цендина, Д. Н. Музраева).

Изучение вопросов истории буддизма, культуры калмыков, их исторических предков ойратов, в первую очередь требует обращения к летописной литературе и историческим хроникам, включая сочинения калмыцких авторов и ее систематизации. Рубежом, отделяющим ойратскую историю от истории калмыков, по определению В. П. Санчирова, послужили «события конца XVI – начала XVII в. в Западной Монголии и Джунгарии. Исторические памятники приволжских калмыков XVIII – первой половины XIX в., ставшие известными благодаря переводам Г. С. Лыткина (1835–1907), получившие широкую известность после их публикации Калмыцким НИИЯЛИ. В сборник были включены «Сказание о дербен-ойратах», Батур-Убаши Тюменя, «Сказание об ойратах» Габан Шараба, «История калмыцких ханов» анонимного автора, «Биография Зая-Пандиты» и труды самого Г. С. Лыткина. Эта работа нашла продолжение в трудах В. П. Санчирова, который перевел и издал монгольскую версию «Илэтхэл шастир» об ойратах периода XV–XVIII вв., а также такие памятники, в свое время обнаруженные и опубликованные монголоведами Китая и Монголии, как «История Хо Ёрлөка», «История дурбэн-ойратов», «Родословная торгутских ханов и князей» и др., в которых освещались события XVII и XVIII вв.

В 1-м томе серии «*Bibliotheca Oiratica*» На. Сухэбатор представил исследование исторических источников на «тодо бичиг».

Большой интерес был проявлен к эпистолярному наследию калмыков XVII–XVIII вв. со стороны историков, этнографов, лингвистов (И. Я. Шмидт, В. М. Бакунин, Н. Н. Пальмов, В. Л. Котвич, Дж. Крюгер, М. Л. Кичиков, И. Я. Златкин, М. М. Батмаев, А. Г. Митиров, П. Э. Алексеева, Э. П. Бакаева, Д. А. Сусеева, Н. О. Кокшаева, Д. Б. Гедеева и др.).

Не осталось без внимания письменное наследие на «тодо бичиг» калмыцких священнослужителей, оказавшихся в эмиграции, в Европе и Америке (З. Бурульдинов, С.-Р. Меньков и др.), которое еще не получило достаточного освещения в историографической литературе. Самый поздний из ойратских переводов буддийских памятников, выполненных калмыками в XX в., является перевод буддийской «Сутры о мудрости и глупости» (1968), выполненный калмыцким гелюнгом Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиевым) (1887–1980).

Традиция описания и исследования религиозных представлений монгольских народов с опорой на письменные источники была положена классиками российского монголоведения и тибетологии (О. М. Ковалевский). Особо следует сказать о трудах А. М. Позднеева, Г. Ц. Цыбикова (1873–1930) и Б. Б. Барадийна (Барадина) (1878–1937), основанных на их экспедиционных записях, которые до сих пор востребованы в монголоведных и тибетологических исследованиях.

После событий 1917 г. происходит смещение акцентов в вопросах изучения буддизма не как одной из мировых религий, а как философского учения, аккумулирующего знания частных наук. Не случайным в 1920-е–1930-е гг. было появление тематики тибетских медицинских источников в исследованиях Ф. И. Щербатского и его научной школы, в чем оказывал содействие Хамбо-лама буддистов Восточной Сибири А. Доржиев (1853–1938). Но это не могло спасти от идеологических нападков и репрессий.

Анализ архивных и книжных собраний Калмыкии показывает преобладание текстов на тибетском языке, наличие разрозненных текстов и в составе сборников и подборок, отражающих специализацию их владельцев, обучавшихся в буддийских профессиональных учебных заведениях Цанид Чёёря. Время политики атеизации (после 1920 г.) проявилось в том, что буддийские тексты приобретают форму блокнота, записной книжки небольшого размера и даже мини-книги. Полевые археографические экспедиции позволяют говорить о том, что для домашних собраний светских верующих характерны единичные тексты, среди которых следует отметить такие тексты, как «Алмазная сутра», «Камчу нагпо» (или «Хар келе») и «Амитаюс»; не менее популярны в среде мирян наставления, проричания монгольского буддийского иерарха XIX в. Джебцзун Дамба хутухты.

Лишь с конца 1990-х, с возрождением традиционных конфессий в РФ, тибетологические исследования получают новый импульс, появляются ряд изданий по буддизму, истории Тибета и т.д.

Во 2-й главе **«Памятники монгольской традиционной книжности XIII–XVIII вв. у ойратов»** дается описание письменных памятников из состава канонических сводов.

Раздел 2.1. *«Основополагающие сочинения, входящие в Ганджур и Данджур. Анализ источников на тибетском, монгольском и ойратском языках»*. В конце XVI в., с новой волной распространения буддизма среди монголь-

ских племен, начинается активная работа по переводу буддийской литературы с тибетского языка на монгольский. Не случайно с XVI в., совпавшим с периодом правления тумэтского Алтан-хана (1507–1582), связывается работа по созданию перевода большей части Ганджура. Результатом деятельности монгольских и тибетских переводчиков стал рукописный Ганджур. Согласно историческим хроникам, он был впервые переведен полностью с тибетского языка в период с 1628 по 1629 г. по инициативе монгольского Лигдэн-хана (1592–1634).

Перевод второй части буддийского канона Монгольского Данджура восходит к XII – началу XIV в., его завершение под руководством Чжанчжа-хутухты Рольбий-Дорчже (Джанджа-хутухты Ролби-Дорджэ) (1717–1787) – к 40-м гг. XVIII в. Издание осуществлялось в течение 1747–1748 гг. и было завершено в 1749 г. в Пекине.

Помимо канонических сочинений, в нашем исследовании был привлечен ряд неканонических (или внеканонических) сочинений.

В разделе 2.2. *«О жанровой принадлежности памятников тибето-монгольской буддийской книжности XVII–XVIII вв.»* отмечается, что жанровая принадлежность сочинений, рассматриваемых в связи с распространением буддизма и выражении его идей в письменных текстах, разнообразна: примечательно, что сами авторы расценивают их подчас иначе, чем это позже делают авторы переводов, ориентирующиеся на иную традицию.

Как известно, основу корпуса средневековых тибетских письменных памятников составляют такие сочинения, как сутры, молитвы, тарни (заклинания), обрядовые тексты, посвящения в практики, астрологические сочинения, намтары (биографии), аваданы и др., написанные в соответствии со сложившейся классификацией наук, с выделением «пяти малых» и «пяти больших» наук. Основная часть их связана с буддизмом и проявлениями его философских установок в разных областях практик. Эта классификация по-своему проявляется в жанровой характеристике буддийских сочинений.

В разделе 2.3. рассматриваются проблемы истории текстов, являющихся переводами с тибетского языка на монгольский и ойратский языки, а также особенности двуязычных (тибетско-ойратских) текстов у ойратов и калмыков. Обращает на себя внимание более позднее распространение буддизма у ойратов по сравнению с монголами.

Тибетский язык как конфессионально идентифицирующий язык северного буддизма (в географической характеристике) являлся и является одной из составляющих диглоссии у монголов, бурят, калмыков, тувинцев.

У буддистов Центральной Азии, как и у представителей иных конфессий, входящих в состав мировых религий, тибетский язык как конфессионально идентифицирующий выступает в качестве компонента конфессионального образования и имеет оценку как компонент и едва ли не самый яркий признак внутриэтнического образования, приобретаемого внутри буддийской общи-

ны. Вполне закономерно то, что после отделения ойратов от основной массы монголов и после прихода их на Волгу в местах их оседлого проживания начали образовываться монастыри и особые учебные заведения академии Цанид Чёёря, где особое внимание уделялось изучению тибетского языка на материале священных книг, что подробно описано в работах Ц. К. Корсункиева.

Сочинения на тибетском языке составляют большинство среди рукописных книг и ксилографов, выявленных в коллекциях Республики Калмыкия. Двухязычные тибетско–ойратские тексты составляют заметный объем в собраниях рукописей и ксилографов в Калмыкии, они также представлены в академических коллекциях (СПбГУ, ИВР РАН).

В разделе 2.4. «*Правила перевода, зафиксированные в терминологических словарях*» дан анализ принципов перевода сакральных буддийских текстов у монгольских книжников и переводчиков, которые регламентировались строгими правилами, зафиксированными в целом ряде терминологических словарей. Главным в ряду этих словарей по праву считается словарь «Источник мудрецов» (*монг. Merged yarqu-yin oron*). Времени его составления в первой трети XVIII в. предшествовало почти целое столетие правления в Китае династии маньчжурских императоров, которые оказывали покровительство тибетскому буддизму и способствовали его распространению в Пекине, а также у сопредельных народов. Ярким свидетельством этого является издание книг на монгольском языке, прежде всего Ганджура, инициированное маньчжурским императорским двором в нач. XVII в.

В вопросах перевода священных текстов в этот период заметную роль сыграли три представителя линии преемственности (духовной династии) чжанчжа-хутухты: Агван-Чойдан (Нгаван-Чойдана), 1642–1714), Рольбий-Дорчжэ (Ролби-Дорджэ Ешэй-Джалцан), 1717–1786) и Данбий-Чжалцан (Ешэй-Данби-Джалцан), 1787–1846).

Рольбий-Дорчжэ, получив поручение императора Цяньлуна перевести и вырезать на досках Данджур — вторую часть буддийского канона, предварил эту работу составлением тибетско-монгольского терминологического словаря «Источник мудрецов». Этот объемный труд, состоящий из 11 частей, охватывающих все отделы буддийской литературы, служит общим руководством для переводов ее образцов на монгольский и ойратский языки. Его составление было обусловлено теми же соображениями, какими руководствовались в начале XI в. тибетские переводчики трактатов Ганджура и Данджура с санскрита на тибетский язык, составившие словарь «Махавьютпатти».

В разделе 2.5. рассматриваются особенности индивидуальной переводческой техники отдельных авторов. Время начала переводческой деятельности монголов датируется по-разному. Согласно мнению одних ученых, оно приходится на начало XIV в. и связано с началом перевода Ганджура, другие исследователи отмечают, что переводы отдельных сочинений, вошедших в состав канона, были выполнены раньше, начиная с XIII–XIV вв. В работах о пере-

водческой деятельности просвещенных монгольских лам отмечается два типа переводов, дословный и смысловой. Уже сами определения этих разновидностей переводов говорят сами за себя: в первых авторы стремились переводить тибетский текст слово в слово, ничего не прибавляя от себя, во вторых, — добавляли от себя некоторые поясняющие слова (предложения).

В 3-й главе «**Личность Зая-Пандиты Намкай Джамцо и его переводческая деятельность**» рассматриваются биография, сочинения и переводы выдающегося ойратского и калмыцкого просветителя и проповедника, основным источником в этом плане является его биография, написанная его учеником Раднабхадрой и ставшая культовым памятником для ойратов и калмыков.

Раздел 3.1. «*Личность Зая-пандиты Намкай Джамцо согласно его биографии. Просветительская и переводческая деятельность*» представляет страницы жизни и деятельности просветителя, известные из его биографии. Ее автор Раднабхадра отмечает, что Зая-Пандита более 20 лет (1616–1638) провел в Тибете, получив классическое буддийское образование, достигнув ученой степени «рабджамба» (тиб. *rab-'byams-pa*), в 1638 г. вернулся в Ойратское государство. Биограф приводит слова V Далай-ламы Агван-Лобсан-Джамцо (1617–1682), адресованные Зая-Пандите: «Ты вместо меня отправляйся к говорящим на монгольском языке и, занимаясь переводом священных книг, помоги религии и живым существам» (Биография Зая-Пандиты, л. 3а). Переводческая деятельность Зая-Пандиты определяется в биографии периодом от года тигра (1650 г.) до года тигра (1662 г.). Весомым уточнением к этому факту являются аргументы Х. Лувсанбалдана относительно того, что перевод ряда сочинений («История Панчен-хутухты», «Книги отца», «Маникамбум») был выполнен просветителем раньше — с 1642 г.

В разделе 3.2. «*Анализ корпуса переводов Зая-Пандиты с тибетского языка на „тодо бичиг“*» дан полный перечень текстов, переводом которых занимался Зая-Пандита, согласно Раднабхадре на «тодо бичиг», помимо этого мы приводим краткие монгольские и тибетские титулы сочинений, которые представлены Ц. Дамдинсурэном в антологии «Сто образцов монгольской литературы», а также дополняем их русским переводом (см. Таблица 1).

Раздел 3.3. посвящен анализу переводческой техники Зая-Пандиты. Этот вопрос затрагивали в своих работах Л. Хурэлбатор и А. Д. Цендина. Материалом для исследования послужили переводы таких известных буддийских сочинений, как «Субхашита», написанная тибетским автором Сакья-Пандитой (1092–1158), и «Книга сына» из известного сборника «Четки чинтамани», в который входит также «Книга отца». Сочинения из этого сборника восходят к традиции, созданной учениками индийского философа Атиши (982–1054), и к его собственным трудам. Л. Хурэлбатор провел сопоставление текст «Субхашиты» в переводе Зая-Пандиты и более ранний перевод Соном-Гары (XIV в.), который является ярким примером традиций согдийских и уйгурских пере-

водов, для которых было характерно сохранение философских терминов и некоторых имен в санскритской форме, что было позднее воспринято монгольскими переводчиками. Монгольский ученый указывает на то, что Зая-Пандита отошел от этой традиции и переводит тибетские имена и термины дословно (Хүрэлбаатар Л. Монгол орчуулгын товчоон, с. 59–60). Существенным дополнением к выводам Л. Хурэлбатара являются результаты сопоставительного анализа переводов Зая-Пандиты и известного монгольского автора XVII в. Ширээт-гуши-цорджи на материале «Книги сына». Особенности в творческом почерке ойратского переводчика, согласно выводам А. Д. Цендиной, сводятся к тому, что он устойчиво придерживается текста тибетского оригинала, «не прибавляет и не выкидывает слов, часто нарушает порядок слов, нормативный для монгольского предложения, желая приблизить перевод к оригиналу» (Цендина А. Д. Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына». С. 61.). Подтверждение выводов этих двух ученых мы находим при сопоставлении переводов Зая-Пандиты и Тугмюд-гавджи на материале «Моря притч» в разделе 5.2.

В разделе 3.4. «Переводы и сочинения из письменного наследия Зая-Пандиты и его ближайших учеников в последующие десятилетия и века» раскрывается дальнейшая судьба письменных памятников из переводческого наследия Зая-Пандиты и его ближайших учеников. Эти тексты составили по сути самостоятельный корпус ойратской буддийской книжности. Судя по колофонам, они стали распространяться в копиях еще при жизни самого учителя по желанию отдельных местных правителей уже к началу последней трети XVII в. В составе этого массива памятников могут быть представлены: копии, списки или ксилографы переводов Зая-Пандиты; повторные переводы тех же сочинений, которые были переведены им; оригинальные сочинения, принадлежащие ойратским гелюнгам XVIII–XX вв., а также тибетские оригиналы текстов, с которых осуществлялись переводы.

Анализ состава и содержания переводов Зая-Пандиты, попытка их идентификации с известными каноническими сочинениями, получившая освещение в монголоведной литературе (А. М. Позднеев, Х. Лувсанбалдан, Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэрэнсодном, В. Хайссиг, А. Г. Сазыкин, С. Халковик, В. Л. Успенский, Л. Хурэлбаттар, Д. Н. Музраева, С. Намжавин и др.), была сопряжена с рядом трудностей. Среди последних следует назвать предельную краткость названий сочинений в перечне Раднабхадры, значительные утраты в общем корпусе текстов, их рассеянность по различным мировым хранилищам и частным коллекциям. В разделе приводятся названия сочинений из состава Ганджура («Великий освободитель», «Панчаракша», «Алмазная сутра», «Море притч» и мн. др.).

В настоящее время наследие Зая-Пандиты продолжают изучать ученые России, Монголии, Китая, Японии, Европы и Америки.

В 4-й главе «Историческая судьба письменных памятников на «тодо бичиг» и тибетском языке у волжских калмыков в XX в.» раскрывается специфика корпуса традиционной буддийской книжности у ойратов и калмыков.

В разделе 4.1. «Памятники буддийской книжности — рукописные и старопечатные тексты у калмыков в XVIII — начале XX в.». отмечается, что специфика корпуса традиционной буддийской книжности у ойратов и калмыков, пополнявшейся оригинальными сочинениями, определяется рядом внешних факторов. Первый из них — это относительная изолированность, удаленность мест расселения калмыков в XVII в. от конфессионально-культурных центров, во многом определявших единство других монголоязычных народов, близких к Тибету. Второй фактор — неполнота сохранности книжного наследия ойратов, в особенности в среде калмыков, где в XVIII–XIX вв. в силу своего рода экстерриториальности калмыков в пределах России местом концентрации письменной и книжной культуры оказались буддийские центры. По этой же причине даже светская, например, историческая литература оказалась как бы отстраненной от общественного книжного достояния, письменность «тодо бичиг» использовалась вне буддийской церковной сферы в основном как деловая письменность. Третий фактор — ойратские рукописи попадали в академические коллекции по большей части не из регионов расселения калмыков в Европейской части России, а из районов традиционного проживания ойратов, из Монголии и сопредельных территорий.

Раздел 4.2. «Письменные памятники на «тодо бичиг» в списках XVIII — первой четверти XIX в. (на основе каталогов, датировки по бумаге, палеографическим особенностям, правке, колофонам, маргиналиям, записям и припискам)» содержит данные о том, что ранние памятники ойратской письменности, которые могут быть датированы второй половиной XVII в. (временем деятельности Зая-Пандиты) или даже XVIII в., относительно немногочисленны. Количество ойратских рукописей XVII–XVIII вв., происходящих из других мест проживания ойратов, значительно больше, и это объясняется как большей интенсивностью распространения буддийских книг, так и лучшей степенью сохранности буддийского книжного наследия и лучшими условиями для собирательской деятельности, которые имели монголоведы XIX — нач. XX в., путешествовавшие по районам проживания монголов и ойратов.

В разделе 4.3. «Состояние духовной и светской письменной культуры у калмыков в начале XX в.» отличительные черты между буддийской и светской письменной культурой калмыков на протяжении XVIII–XIX вв. определяются следующим образом: образование, в традиционном буддийском понимании предполагающее знакомство с образцами буддийской книжности, требовало, помимо умения писать на «тодо бичиг», знания тибетского языка, а также, на более продвинутых стадиях, вероятно, других языков — санскрита, китайского. Примером произведений светской книжной культуры являются калмыцкие исторические хроники.

Современный калмыцкий язык, являющийся одним из монгольских языков с агглютинативной структурой, как и другие монгольские языки (бурятский, собственно монгольский), а также многие другие языки народов России, за XX в. испытал не одно реформирование своей графики, особенно в XX в. Причем калмыцкий (ойратский) язык претерпел возможно большее их количество в силу зависимости языка и этноса от социальной политики государства.

Раздел 4.4. *«История традиционной калмыцкой книжности и буддийской литературы у калмыков в XX в. Буддийские письменные источники, книжные собрания калмыцких гелюнгов, сохранившиеся в Калмыкии к началу XXI в.»* основывается на анализе полевых исследований, а также работы в рукописных архивных и музейных фондах, итогами которой стало выявление репертуара буддийских письменных памятников, имевших хождение в калмыцкой буддийской культурной среде, составление каталога письменных памятников тибетского буддизма, сохранившихся в различных коллекциях Калмыкии, участие в создании электронной библиотеки рукописей на «тодо бичиг», определение круга памятников, наиболее часто встречающихся в частных коллекциях калмыцких буддистов и изучение их истории.

Среди этих собраний коллекции НА КалмНЦ РАН, Национального музея РК, Кетченеровского краеведческого музея (пос. Кетченеры Кетченеровского р-на РК), Бага-Чоносовского хурула (пос. Бага-Чонос Целинного района РК).

Анализ состава и содержания письменных источников, выявленных в ходе камеральной работы и экспедиционных выездов в районы Калмыкии в 2006–2007, 2014–2016 гг., показал, что они представлены сочинениями из состава буддийского канона (сводов Ганджур и Данджур), хорошо известными в буддийском мире. Многие из этих произведений восходят к переводам Зая-Пандиты. Помимо этого, среди выявленных нами рукописей встречаются сочинения, не вошедшие в канон.

В 5-м разделе 4-й главы даны описания самых распространенных буддийских текстов, имевших хождение среди калмыков, начиная с образца праджня-парамитской литературы «Алмазной сутры» (*санскр.* vajrachedika, *тиб.* rDo-rje geod-pa). Другим наиболее распространенным является текст под названием Хара келен (*букв.* ‘Черный язык’) и его варианты, которые в народной традиции связывают с обрядом «Отрезание „черного“ языка» («Хара келе утулган»). Эти тексты продолжают бытовать среди калмыцких верующих также и в тибетской версии, имеющей краткое название «Камчу Нагпо» (от крат. *тиб.* Kha-mchu nag-po *букв.* ‘черный язык’ или ‘преодоление злословия’). Перевод этой сутры на «тодо бичиг», выполненный Зая-Пандитой в XVII в., был сделан, скорее всего, с тибетского языка. Тексты культа Амитаюса (*санскр.* Amitāyus, *тиб.* Tshe drag med), если оценивать степень их распространенности среди современных калмыков, находятся на третьем месте по частотности единиц хранения в коллекциях Калмыкии.

Помимо этого, в работе приводятся описания текстов дхарани (тарни) и мантр, молитвенных текстов, астрологических сочинений, текстов пророчеств (прорицаний, посланий), имеющих большую значимость для калмыцких гелюнгов и мирян.

В 5-й главе «**Специальные проблемы источниковедения буддийских письменных памятников на монгольском языке и „тодо бичиг“**» дан подробный сравнительный анализ переводов одного из канонических сочинений – «Сутры о мудрости и глупости».

В разделе 5.1. приводятся монгольские переводы Сутры, выполненные Ширээт-гуши-цорджи (конец XVI – начало XVII в.), Тойн гуши (начало XVII в.), а также два ойратских перевода – Зая-пандиты Намкай Джамцо (сер. XVII в.) и Тугмюд-гавджи (О.М. Дорджиева) (сер. XX в.), приводится их характеристика. Переводу Тугмюд-гавджи, как наименее знакомому широкому кругу исследователей, дано более подробное описание.

В разделе 5.2. «*Сравнительно-сопоставительное исследование монгольских и ойратских переводов «Сутры о мудрости и глупости». Структура переводов»* приводятся результаты сопоставления структуры и компоновки текстов переводов указанных авторов и вывод о том, что Зая-Пандита и Тугмюд-гавджи более строго следуют последовательности глав и разделов тибетского первоисточника.

Раздел 5.3. «*Индивидуальные особенности переводов отдельных авторов и авторских переводческих приемов»* содержит выводы относительно общих черт и отличительных особенностей рассматриваемых четырех переводов «Сутры о мудрости и глупости».

Немаловажным в рассмотрении принципов перевода является характеристика их по принадлежности к одному из двух типов переводов буддийских текстов – *дословному* (или *пословному*) и *смысловому*, которые сложились в процессе становления переводческой деятельности просвещенных монгольских и ойратских лам.

Сходства и отличия в четырех переводах отмечены на уровне лексики (в подборе буддийских терминов), морфологии (при подборе эквивалентов глагольных форм), синтаксиса (при передаче порядка слов в словосочетаниях, предложениях, в передаче стихотворных фрагментов). Для ойратских переводов характерна передача поэтических строф прозаическим текстом.

Анализ переводов Зая-Пандиты и Тугмюд-гавджи еще раз подтвердил нашу точку зрения, что это два самостоятельных перевода, более поздний из них был выполнен независимо от первого, причем сам факт появления его в конце 1960-х гг. показал доказательство возобновимости, преемственности традиции переводов буддийских сочинений с тибетского языка на «тодо бичиг», которая к этому времени была прервана.

В разделе 5.4. «*Анализ буддийских письменных памятников по языку написания»* обобщаются данные о письменных памятниках, выявленных в ходе

работы в музейных и архивных фондах. Диссертант отмечает, что в количественном отношении преобладают сочинения на тибетском языке, помимо них, встречаются ойратские, записанные на «тодо бичиг», а также двуязычные тибетско-ойратские тексты. Обнаружение в коллекциях Калмыкии рукописных молитвенных сборников на кириллице свидетельствует о том, что в XX в. священные буддийские тексты бытовали в среде верующих калмыков в переложении на графику современного калмыцкого языка и в записи на одной из разновидностей кириллицы, применявшейся в процессе развития письменной формы калмыцкого языка XX в.

Ойратские тексты из состава канонических сочинений представлены, как правило, переводами самого Зая-Пандиты, его учеников и последователей. Что же касается неканонических текстов, то их авторство, как правило, анонимно. Исключения составляют тексты «Ээлдхлин зэрлг», под которым имеются в виду «Наставления Джебцзун Дамба хутухты» (*ойр. Воqдо jibzun damba хutuqtuyin gegēni зарligiyin bičiq orošiboi*).

В Заключении формулируются наиболее значимые выводы:

В диссертации дано развернутое описание истории традиционных письменных систем у монгольских народов и других народов Центральной Азии с привлечением данных новых публикаций письменных источников последних лет. Рассмотрены вопросы истории зарождения письма у монголов, а также охарактеризована историческая судьба их письменных систем в новейшее время, в особенности в советскую эпоху, после 1920-х гг. В работе удалось раскрыть особенности развития традиционной калмыцкой письменной культуры как одного из конфессионально инициированных культурных феноменов, природа этой формы книжного творчества так или иначе сыграла определяющую роль в ее судьбе в XX в.

В рамках проведенного исследования дана оценка деятельности проповедников XVII в. Вслед за историками буддизма (Г. Ш. Дорджиева, Э. П. Бакаева, Ц. П. Пурбуева, Б. У. Китинов) диссертант отмечает определяющую позицию Нейджи-тойна в распространении буддизма среди калмыков, но указывает на большую популярность среди них Зая-Пандиты как создателя письменности, переводчика, чья миссионерская деятельность распространялась преимущественно на ойратские и калмыцкие кочевья.

В работе установлен корпус буддийских текстов на «тодо бичиг», получивших наибольшую популярность у калмыков. Специфика их в том, что их основу составляют переводы тибетских канонических сочинений, выполненные Зая-Пандитой Намкай Джамцо и записанные на созданное им ойратское «ясное письмо». Круг этих текстов обширен, в нем насчитывается порядка 177 (186) сочинений. Самым популярным и соответственно самым почитаемым является образец праджнапарамитской литературы «Алмазная сутра» (или «Дорджи Джодва»), а также обрядовые сочинения, к которым относятся тексты, имеющие отношение к древнему добуддийскому обряду устранения не-

гативных последствий от злословия, который был некогда освоен и включен в буддийскую обрядовую практику. Среди последних – ритуальные тексты, посвященные Будде долголетия Амитаюсу («Сутра Амитаюса», «Дхарани Амитаюса»), занимающие важное место в обряде продления жизни у калмыков.

В отношении языка рассматриваемых буддийских памятников диссертантом отмечено, что среди них в количественном отношении преобладают сочинения на тибетском языке, помимо них встречаются тексты, записанные на «тодо бичиг», а также двуязычные тибетско-ойратские тексты. Важный вывод сделан относительно того, что у калмыков в XX в. буддийские тексты имели хождение не только в традиционной фиксации на «тодо бичиг», но и в записи на одной из разновидностей кириллицы, причем последние до сих пор не упоминались и не выступали объектом исследования буддологов.

Канонические ойратские сочинения представлены, как правило, переводами самого Зая-Пандиты и его учеников. Об этом свидетельствует анализ состава и содержания коллекций буддийских письменных источников, сохранившихся к началу XXI в. у калмыков.

На основе описанных диссертантом основных принципов перевода средневековых буддийских текстов с тибетского языка на монгольские языки, зафиксированных в словаре «Источник мудрецов», изучена переводческая практика калмыцких, ойратских и монгольских просвещенных лам XVII–XX вв. Это стало возможным осуществить благодаря одному из образцов канонических сочинений «Сутры о мудрости и глупости» (VII в.), неоднократно переведившихся на монгольские языки. Об этом свидетельствуют монгольские переводы Ширээт-гуши-цорджи (к. XVI–нач. XVII) и Тойн-гуши (нач. XXVII в.), переводы на ойратский Зая-Пандиты (сер. XXVII) и Тугмюд-гавджи (сер. XX в.) – самый поздний из ойратских переводов, выполненных волжскими калмыками. При этом, если для Ширээт-гуши-цорджи характерны некоторые пропуски или ввод дополнительных поясняющих слов, словосочетаний в свой текст, то трое других авторов стараются строго следовать тибетскому оригиналу. Сопоставление двух переводов, записанных на «тодо бичиг», позволяет подтвердить, что это два разных самостоятельных перевода, их отличия проявляются в подборе лексики, передаче терминов, порядке слов, графическом оформлении и т.д. Перевод Тугмюд-гавджи являет собой доказательство продолжения традиции переводов, даже если она прерывалась по не зависящим от переводчиков обстоятельствам.

Основным источником для изучения дошедшего до нас корпуса ойратских текстов буддийского содержания являются библиотеки и архивы, и прежде всего — каталоги этих архивов. При этом важным итогом исследования явилась констатация того, что буддийское книжное наследие, сохранявшееся у калмыков, недостаточно изучено не только в текстологическом отношении, но и в силу неиспользования в полной мере методики и методов вспомогательных исторических дисциплин (археографии, палеографии, кодикологии),

что назрела необходимость систематизировать междисциплинарный подход к анализу письменных источников, усовершенствовать его методику. Под этим диссертант имеет в виду сбор и учет данных относительно формата книг (не только «потхи», но и «блок-книжки» и др.), материалов, накопление и систематизация сведений из колофонов, маргиналий, отметок о рецитации, которые позволяют датировать их, установить имена авторов, составителей, переписчиков, заказчиков, хранителей, названия местности или буддийского храма, название рода, отметка об обращении к этим текстам в более поздние времена и проч.

Методы палеографического описания, предполагающего анализ материала, на котором выполнены рукописи, который предусматривает описание филиграней, оттисков (водяных знаков принадлежности той или иной бумажной фабрике), орудия письма (калам, перо, ручка, карандаш), особенностей графики (почерков или стилей письма: полуустава, вязи, скорописи и т.п.), особенности внешнего оформления текстов (книг), их формат, наличие переплета и его описание, использование различных элементов оформления книг (орнамента, вязи, иллюстраций-миниатюр), наличие печатей и проч. имеют важное значение в вопросах датировки ойратских текстов. В дополнение к сказанному представляется важным учет данных лингвистического описания текстов – орфографического, графического оформления, при этом немаловажным является постановка вопроса о сборе, систематизации и анализе почерков, создании банка почерков, разработка формального аппарата их классификации и т.д. Именно такой подход дает исследователю ценнейший материал для сопоставлений и обобщений.

Важным руководством в изучении восточной рукописной и печатной книг продолжают оставаться труды Д. Кары, А. Г. Сазыкина, В. Хайсига, М. И. Воробьевой-Десятовской, получившее продолжение в издании «Рукописная и ксилографическая книга Востока: очерки кодикологии» (2015). Однако региональные коллекции письменных памятников неизбежно дадут исследователям новый, еще неописанный материал.

Общий вывод диссертации сводится к тому, что принятие буддизма ойратами и калмыками способствовало развитию письменности и конфессиональной, а позднее и светской литературы и весьма рано превратилось в средство проявления этнической и культурной идентичности калмыков России и ойратов Монголии и Синьцзяна.

Важным итогом исследования является то, что традиции буддийской книжности у калмыков показали свойство возобновимости их в благоприятных для этого условиях.

В **Приложении 1** представлен перевод ойратской рукописи «Сутра Ами-таюса» из НА КалмНЦ РАН. **Приложение 2** содержит перечень сочинений тибетского сборника «Сундуй» в сопоставлении с ойратским рукописным сборником.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях (в соответствии с перечнем ВАК):

1. Музраева, Д.Н. О текстах из астрологического сборника калмыцкого зурхачи (предварительные замечания) // *Oriental Studies*. – 2020. – №1. – С. 124–137.

2. Музраева, Д.Н., Батсуурь А. Дхарани из состава Монгольского Ганджура (на примере «Дхарани, именуемой „Сердце-сущность Святого, [обладающего] безграничной жизнью и знанием“») // *Монголоведение*. – 2020. – № 2. – С. 388–411.

3. Музраева, Д.Н. Калмыцкие молитвенные блок-книжки советского времени. Из истории бытования сборников буддийских текстов у калмыков в XX в. // *Вестник архивиста*. – 2019. – № 3. – С. 726–737.

4. Музраева, Д.Н., Сумба, Р.П. О тибетском и монгольском ксилографических изданиях «Повести о Лунной кукушке» (по материалам Национального музея Тувы и архива КалмНЦ РАН) // *Новые исследования Тувы*. – 2019. – № 4. – С. 99–108.

5. Музраева, Д.Н. Из истории комплектования и описания Фонда 8 Научного архива КалмНЦ РАН (по описям В. О. Поляева) // *Oriental Studies* (Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН). – 2019. – № 3. – С. 450–459.

6. Музраева, Д.Н., Манджикова, Л.Б. Обзор личного фонда А. В. Бурдукова и Т. А. Бурдуковой (по материалам Научного архива КалмНЦ РАН) // *Монголоведение* (Монгол судлал). – 2019. – №4. – С. 846–861.

7. Музраева, Д.Н. К проблеме подбора эквивалентов на «ясном письме» («тодо бичиг») к тибетским буддийским терминам (на материале «Моря притч» в переводе Тугмюд-гавджи) // *Монголоведение* (Монгол судлал). – 2019. – №4. – С. 814–828.

8. Музраева, Д.Н., Сумба, Р.П. О ксилографическом сборнике буддийских текстов на монгольском языке из Национального музея Тувы // *Новые исследования Тувы*. – 2019. – № 2. – С. 139–150. (В соавторстве с Р. П. Сумба).

9. Музраева, Д.Н., Нанжидын, М. Ойратская рукопись «Гимн Зеленой Таре» из коллекции Миджид-ламы (Убсунурский аймак, Монголия) // *Монголоведение* (Монгол судлал). – 2019. – №2. – С. 223–239.

10. Музраева, Д.Н. Коллекция тибетских и монгольских письменных источников Калмыцкого научного центра РАН, поступившая от Э. Б. Убушиева. Штрихи к портрету фондообразователя по дарственным записям // *Вестник архивиста*. – 2018. – № 4. – С. 1206–1216.

11. Музраева, Д.Н. Из истории бытования сборника буддийских текстов «Сундуй» у калмыков (на материале коллекции Э. Б. Убушиева, хранящейся в научном архиве КалмНЦ РАН) // *Oriental Studies* (Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН). – 2018. – № 3 (37). – С. 68–94.

12. Музраева, Д.Н. К сравнительному анализу смысловых и дословных монгольских переводов (на материале переводов «Сутры о мудрости и глупости», выполненных Ширээт-гуши-цорджи и Тойн-гуши) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – № 3. – С. 188–200.
13. Музраева, Д.Н. О гарчаке (оглавлении) рукописи перевода Тугмюд-гавджи // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – №3. – С. 151–157.
14. Музраева, Д.Н. Сравнительные исследования монгольских и ойратских переводов буддийской литературы (основная проблематика) // *Mongolica*–XV, посв. юбилею З.К. Касьяненко. – СПб.: ИВР РАН, 2015. – С. 16–23.
15. Музраева, Д.Н. К проблеме изучения языка письменных памятников конца XVI–XVIII вв. (на материале монгольских и ойратских переводов тибетской «Сутры о мудрости и глупости») // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский*. Т. XI. Ч. 3. – СПб.: Наука, 2015. – С. 259–273.
16. Музраева, Д.Н., Батсуурь, А. К характеристике письменных источников на тибетском языке из коллекции Кобдоского государственного университета (Монголия) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – № 4. – С. 139–142.
17. Музраева, Д.Н. Развитие буддийской литературы у калмыков в XX в. в условиях поликонфессионализма Волжско-Каспийского и Северо-Кавказского регионов // Вестник Калмыцкого университета. – 2012. – №4 (16). – С. 75–83.
18. Музраева, Д.Н. Опыт археографического описания и текстологического анализа рукописного перевода Тугмюд-гавджи (на материале VI главы *Oülgurun dalai* «Моря притч») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2012. – № 3. – С. 167–185.
19. Музраева, Д.Н. Изучение ранних этапов становления буддийской литературы у ойратов в отечественном и зарубежном монголоведении // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2012. – №1. – С. 49–57.
20. Музраева, Д.Н. Молитвенные сборники (ранние памятники калмыцкого кириллического письма) как источник изучения буддийской литературы и письменной культуры калмыков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2011. – № 7 (61). – С. 121–125.
21. Музраева, Д.Н. «Сутра о мудрости и глупости». Литературная судьба буддийского канонического сочинения в монголо-ойратском мире XVI–XX вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2011. – № 1. – С. 146–153.
22. Музраева, Д.Н. Тексты, посвященные Будде долголетия Амитаясу, в литературно-книжной традиции калмыков // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 1 (65). – С. 72–76.

23. Музраева, Д.Н. Из истории формирования коллекций буддийских письменных источников в Калмыкии // Новый исторический вестник. – 2011. – № 3 (29). – С. 32–42.

24. Музраева, Д.Н. «Сутра, именуемая „Способная усмирить и подавить землю и воду“» (*Gazar usuni nomоyоdхon dariüilün čidaqči kemekü sudur*) из коллекции Н.Д. Кичикова (1901–1986) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2009. – № 2. – С. 87–95.

25. Музраева, Д.Н. К проблеме идентификации безымянной рукописи на кириллице из коллекции Бага-Чоносовского хурула // Научная мысль Кавказа. – 2008. – № 4. Ч. 2 (57). – С. 14–18.

26. Музраева, Д.Н. Тибетские книги в Калмыкии как источник изучения калмыцкого буддизма // Научная мысль Кавказа. – 2006. – № 3. – С. 153–155.

Монографии

индивидуальные:

27. Музраева, Д.Н. «Море притч» (*Oülgurin dalai*). Ойратский перевод Тугмюд-гавджи (О.М. Дорджиева). В 2 кн. Кн. 1. Предисловие, перевод на русский язык, комментарий, глоссарий Д. Н. Музраевой. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. – 242 с.

28. Музраева, Д.Н. Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв. (Переводные письменные памятники на монгольском и ойратском языках). [Текст] / Д. Н. Музраева. – Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2013. – 150 с.

29. Музраева, Д.Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. [Текст] / Д. Н. Музраева. / отв. ред. Э.П. Бакаева, науч. ред. А.А. Бурькин. – Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2012. – 224 с.

30. Музраева, Д.Н. Краткий монгольско-русский словарь. Монгол-орос товч толь. *Mongyol оgos tobči toli* / сост. Д. Н. Музраева. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. – 221 с.

31. Повесть о Лунной кукушке. Монгольская версия. Факсимиле ксилографа / Предисловие, транслитерация, перевод, комментарии, глоссарий и приложения Д. Н. Музраевой / отв. ред. И. В. Кульганек. – Элиста: АПП «Джангар», 2004. – 576 с.

коллективные:

32. Тексты Белого старца у ойратов и калмыков / Музраева Д. Н. // Трансграничная культура: сравнительно-сопоставительное исследование традиций западных монголов и калмыков: Монография / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Музраева и др. Раздел III. Гл. 2. § 4. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. – С. 294–312.

33. Литературное наследие / Музраева Д. Н. // Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, КИГИ РАН. – М.: Наука, 2010. – С. 387–405.

34. Норбо Ш. Зая-Пандита (Материалы к биографии) / Перев. со старописьменного монгольского Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчинова / науч. ред. В. П. Сачиров. – Элиста: Калм. книж. изд-во, 1999. – 335 с. Перев. Д. Н. Музраевой – С. 117–196. Сост. указателей К. В. Орловой и Д. Н. Музраевой.

Публикации в других научных изданиях:

35. Музраева, Д.Н. «Шастра драгоценного закона» из ойратского рукописного сборника D 22 (из коллекции А.М. Позднеева, хранящейся в ИВР РАН) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. – 2019. – Вып. 3. – С. 214–229.

36. Музраева, Д.Н. Текст «Хага кеle» из коллекции О.М. Дорджиева // Монголоведение (Монгол судлал). – 2018. – № 2 (13). – С. 67–81.

37. Музраева, Д.Н. Тексты *dkar chag* в истории тибето-монгольской книжной традиции — описи, оглавления, каталоги или библиографические справочники? // Сетевое востоковедение: устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия: мат-лы II Межд. науч. форума. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2018. – С. 128–130.

38. Музраева, Д.Н. К проблеме датировки поздних ойратских текстов на основе палеографического и графико-орфографического описания (по материалам архивов Республики Калмыкия) // Монголоведение: сб. науч. тр. Вып. 11. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. – С. 132–134.

39. Музраева, Д.Н. «От имени калмыцкого народа делал подношения и заказывал молитвы». Гелюнг Тугмюд-гавджи в воспоминаниях родственников // Монголоведение: сб. науч. тр. Вып. 10. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. – С. 76–94.

40. Музраева, Д.Н. К проблеме палеографического исследования буддийских письменных памятников (на материале оригинальных и переводных сочинений калмыцких священнослужителей из коллекции КалмНЦ РАН) // Великая российская революция в судьбах народов Юга России. Матер. Всерос. науч. конф. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. – С. 235–240.

41. Музраева, Д.Н. Буддийские сочинения на тибетском языке в коллекциях Калмыкии // Первая Межд. конф. «Историко-культурные связи Монголии и Тибета» в рамках гос. программы «Один пояс и один путь». Сб. ст. Т. I. – Хэнань: Northwest Minzu University, 2017. – С. 230–234.

42. Музраева, Д.Н. К проблематике исторического изучения оригинальных и переводных сочинений калмыцких буддийских священнослужителей // Монголоведение: сб. науч. тр. Вып. 9. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. – С. 105–114.

43. Музраева, Д.Н. К изучению монгольской и ойратской переводной литературы XVII–XVIII вв. // Галдан Бошигт судлал (олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлүүдийн эмхэтгэл). – Улаанбаатар: Ган принт, 2015. – С. 143–151.

44. Музраева, Д.Н. К сравнительному изучению литературно-книжной

традиции калмыков и ойратов Западной Монголии (на материале экспедиций 2006 и 2013 гг.) // Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и искусство: Шестые Доржиевские чтения. – СПб.: Гиперион, 2015. – С. 405–412.

45. Музраева, Д.Н. К проблеме исследования двуязычных буддийских текстов // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития. Мат-лы Межд. науч. конф., посв. 100-летию Б.Х. Тодаевой. Ч. II. – Элиста: КИГИ РАН, 2015. – С. 67–69.

46. Музраева, Д.Н. Ойратский текст, посвященный Амитаюсу, из коллекции Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН // A Window onto the Other. Contributions on the Study of the Mongolian, Turkic and Manchutungusic Peoples, Languages and Cultures. – Warszawa: Faculty of Oriental Studies, University of Warsaw and Dom Wydawniczy Elipsa, 2014. – Pp. 186–217.

47. Muzraeva, D.N. The Problem of Researching Kalmyk Buddhist literature from the 20th and Early 21st Centuries // Oirat People. Cultural Uniformity and Diversification. Ed. by I. Lkhagvasuren, Yuki Konagaya. – Osaka: National Museum of Ethnology. 2014. – P. 229–235.

48. Музраева, Д.Н. Сравнительно-сопоставительный анализ текста биографии Дагпу Лобсан-Данби-Джалцана (XVIII в.) и либретто пьесы Д. Равджи «Жизнеописание Лунной кукушки» (XIX в.) // Монгол судлалын чуулган. Эрдэм шинжилгээний сэтгүүл. Эрхэлсэн С. Хувсгул. – Улаанбаатар: МУБИС; Монгол Судлалын Сургууль. – 2013. – №1. Vol. 14 (49). – С. 118–124.

49. Музраева, Д.Н. О колофоне монгольской версии *Üliger-ün dalai* в переводе Ширээт-гуши-Цорджи (по материалам научного архива КИГИ РАН) // Монголоведение: сб. науч. тр. Вып. 5. – Элиста: КИГИ РАН, 2011. – С. 207–217.

50. Музраева, Д.Н. «Цэцэн, тэнэгийн тухай судар»-ын монгол, ойрад орчуулгын бүтцийн тухай [О структуре и составе монгольских и ойратских переводов памятника «Сутра о мудрости и глупости»] // Bibliotheca Oiratica. Халимагийн монгол судлал. – Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК, 2011. – X. 138–155.

51. Музраева, Д.Н. О составе и содержании коллекций буддийских письменных памятников, сохранившихся в Калмыкии к началу XXI века // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. Мат-лы Межд. науч.-практ. конф. – М.: РГГУ, 2011. – С. 233–240.

52. Музраева, Д.Н. О памятниках буддийской литературы на тибетском, ойратском, калмыцком и русском языках в Калмыкии в XX – начале XXI века // Ойрад судлал: өнөө ба ирээдүй. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлүүдийн эмхэтгэл (Мат-лы Межд. научн. конф. «Ойратология: сегодня и завтра»). – Улаанбаатар, 2011. – X. 303–312.

53. Музраева, Д.Н. Ойратский перевод «Сутры о мудрости и глупости» (*'Dzangs blun mdo*), выполненный калмыцким буддийским священнослужителем Тугмюд-гавджи (1887–1980) // Altaica et Tibetica. Anniversary

Volume dedicated to Stanislaw Godzinski on His Seventieth Birthday / Rocznik Orientalistyczny; Faculty of Oriental Studies. University of Warsaw. T. LXIII. Z. 1. – Warszawa: Dom Wydawniczy ELIPSA, 2010. – Pp. 150–161.

54. Музраева, Д.Н. О составе и содержании коллекций буддийских письменных источников в Калмыкии // «Мир буддийской культуры: наследие и современность»: Мат-лы III Межд. симпозиума, посв. 150-летию философского факультета Агинского буддийского монастыря. – Чита: Экспресс-издательство, 2010. – С. 70–78.

55. Музраева, Д.Н. О малоизвестной ойратской рукописи, именуемой *Mila burxani zarliq* ('Изречения Будды Милы') // Мат-лы Межд. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посв. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Ч. II. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. – С. 262–266.

56. Музраева, Д.Н. Переводческая деятельность калмыцких буддийских священнослужителей в нач. XX в. (по трудам Дорджи Сетенова) // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая. Мат-лы Межд. научн. конф. (г. Элиста, 9–14 мая 2007 г.). Ч. II. – Элиста: КИГИ РАН, 2008. – С. 77–87.

57. Музраева, Д.Н. О коллекции буддийской литературы О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи) // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. – Элиста: КИГИ РАН, 2008. – С. 26–54.

58. Музраева, Д.Н. Халимагт хадгалагдаж буй тод, төвд бичгээрх дурсгалууд [Письменные памятники на ойратском («тодо бичиг») и тибетском языках, сохранившиеся в Калмыкии] // Bibliotheca Oiratica. – V. – Халимаг түүх, соёл. – Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2007. – X. 115–121.

59. Музраева, Д.Н. О коллекции буддийской литературы гавджи Тогмед-Очира (Тугмюда Гавджи) (1887–1980) // IX Межд. конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.). Доклады российских ученых. – М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2006. – С. 293–297.

60. Музраева, Д.Н. Традиция ойратских переводов с тибетского языка (на материале перевода «Üligeriyin dalai», выполненного Тугмюдом Гавджи (О. М. Дорджиевым) // Владимирцовские чтения – V. Докл. Всерос. науч. конф. (Москва, 16 ноября 2005 г.). – М.: ИВ РАН, 2006. – С. 165–173.

61. Музраева, Д.Н. Монгольская версия «Повести о Лунной кукушке» (XVIII в.) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН. Кн. 2-я. – М.: Наука, 2006. – С. 170–174.

62. Алексеева, П.Э., Музраева, Д.Н., Намжавин, С. Я.И. Шмидт и калмыки: взаимообогащение двух культур (по материалам переписки 1800–1810 гг.) // Сарепта. Историко-этнографический вестник. Вып. 1 (240-летию основания колонии Сарепта на Волге). – Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2006. – С. 104–122.

63. Музраева, Д.Н. О молитвенных текстах *дхарани* (по материалам тибетской коллекции КИГИ РАН) // Монголоведение. № 2. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2003. – С. 46–68.

64. Музраева, Д.Н. Тибетские канонические сочинения в фондах КИГИ РАН // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе России (к 360-летию со дня рожд. хана Аюки): Матер. межд. науч. конф. Ч. 1. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2002. – С. 21–22.

65. Музраева, Д.Н. «Тайная» биография *sTag-phu-ba Blo-bzang Bstan-pa'i rGyal-mtshan'a* и ее монгольские переводы и интерпретации // VIII Межд. конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 2002 г.). Доклады российской делегации. – М.: Изд. дом «Гуманитарий», 2002. – С. 236–242.

66. Музраева, Д.Н. Гимны-славословия из тибетской коллекции КИГИ РАН // Российское монголоведение. Бюллетень 5. – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 266–278.

67. Музраева, Д.Н. О составе и содержании переводов Зая-Пандиты Намкайджамцо (1599–1662) с тибетского языка // Тез. докл. и сообщ. Межд. симпозиума. Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения (язык и литература). Ч. 1. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. – С. 76–78.

68. Музраева, Д.Н. Памятники тибетского фонда, хранящиеся в архиве Калмыцкого института гуманитарных и прикладных исследований // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 3. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 189–192.

69. Muzraeva, D.N. “The Tale of the Moon Cuckoo” by *sTag-phu-ba Blo-bzang Bstan-pa'i rGyal-mtshan* and Its Spread in Central Asia // Tibetan Studies. Proceedings of the International Association for Tibetan Studies. Fagernes 1992. Vol. 2. Ed. by Per Kvarne. – Oslo: Institute for Comparative Research in Human Culture, 1994. – Pp. 580–585.